

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/1342190>

Чувство и Душа

Направленность: Слэш

Автор: [irizka2](https://ficbook.net/authors/506237) (<https://ficbook.net/authors/506237>)

Беты (редакторы): Fereht (<https://ficbook.net/authors/185855>)

Фэндом: Ориджиналы

Рейтинг: NC-17

Жанры: Романтика, Флафф, Фантастика, Экшн (action), Мифические существа, Омегаверс

Предупреждения: Нецензурная лексика, Ксенофилия

Размер: Мини, 22 страницы

Кол-во частей: 3

Статус: закончен

Описание:

Фурри

Злой омега – синяки и шишки. Добрый омега – ласки и секс. Сейчас хотелось только секса.

Посвящение:

пушистикам

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Сайд стории к <http://ficbook.net/readfic/1562246> (спустя 20 лет)

Мир - мечта феминистки: альфы и омеги равны.

ТОС

ТОС	2
Часть 1	3
Часть 2	10
Часть 3	18

Часть 1

На Галу принято подарки приносить, но Харту с омегами не везло, и он лишь цветных камушков набрал для видимости.

Под конец праздника понял, что его положение, как всегда, безнадежно – никому не нужен черный волк. Черный – цвет его дурной родословной, от которой и потомство дурное, и связь как клеймо. Чем больше в роду простых людей, тем чернее шерсть, родители Харта сами темные были, неудивительно, что Харт такой.

Не повезло с омегой сегодня, может, повезет через месяц. Не вечно же ему одиночкой ходить. Хоть какой-нибудь беспризорный омега да решится на случку. Или даже на брак. Чем оракул не шутит?

Харт взлохматил волосы и заправил длинную челку за уши. Сейчас, после нескольких бутылей горячего сусла, хотелось танцевать и петь, вмешиваясь в кружок бардов, что уже второй час завывали лирические песни и смущали движениями своих тел. Волки мелькали в отблесках костра серебряным и льяным светом полуформ, заставляя одиноких омег облизываться и льстиво прижимать к голове уши. Сейчас к любому такому омеге подойди – он с радостью поднимет хвост. Танцору, но не Харту. Черный волк легко может по морде когтями получить, или еще хуже, недовольный омега вызовет на бой и распорет шкуру так, что месяц в яме валяться будешь. Злой омега – синяки и шишки. Добрый омега – ласки и секс.

Сейчас хотелось только секса.

Поэтому Харт терпеливо изображал равнодушие, поднялся в круг танцующих и позволил душе вливаться в лиру. Пусть зверь отрывается, пусть плетут пальцы духовные канители, пусть распахнутая душа ловит чужие мысли и непредназначенные Харту желания. Зверь свои шаманские способности не контролирует, зато другим приятно – шаман произвольно делится теплом окружающего мира.

Когда огонь стал затухать, а уставшие музыканты отложили барабаны, умолкло тремоло, и ночной воздух стал наполняться отдаленными разрозненными голосами волков. То там, то тут завывали оборотни, обращаясь к разбитому лику Луны и выпитывая в себя и свою серебряную шкуру ее свет. На Гале первый голос подавал всегда вожак, и сейчас, услышав первые песни волков, все замерли, смотря на огромного оборотня пепельного окраса с ярко-желтыми глазами. Вожак Гритти встал, тихо шепнул слова благодарности духам и, вскинув голову к лунам, громко завыл. Его глас тут же подхватил его младший брат, и пошло-поехало. Вскоре вся деревня оглушительно кричала, встречая новый месяц. Где-то там, за разрезающими границы земель реками, наверное, вздрагивали люди, зная, что подходит время общей охоты.

Харт снова осмотрел уже темнеющую поляну. Ни один из омег не ловил его взгляд. Что ж, значит, не судьба. Придется в следующем месяце искать свое счастье. Уже покинув поляну, где проходила Гала, Харт почти столкнулся с оборотнем в боевой форме. Невольно задрал голову, рассматривая волчью морду с огромными клыками, почему-то мысли спутались, забывая, что из вежливости надо б тоже обратиться, но рядом с ним стоял омега, красивый, статный и пугающе приятно пахнущий. Такой, о каком лучшие

самцы мечтать могут. И потому Харт только головой кивнул в знак приветствия и попытался огромную тушку обойти.

Омега его тут же лапой сгреб, присел, чтобы одного роста быть, и злобно в лицо рыкнул:
— Законы нарушаешь?

Харт нервно сглотнул – до него намеренно докапывались. Тут же покрутил головой и обратился, заставляя омегу отступить.

— Так-то лучше, — омега дернул мордой, все еще скалясь, и указал на опустевшую поляну – предлагал поговорить. Харт лишь обреченно согласился. Уже догадывался, почему с ним разговор завели.

— Ты ведь шаман? — сразу перешел к делу омега.

— Ага, и меня Харт зовут. Приятно познакомиться.

— Фил, — буркнул омега. И Харт обомлел – старший охотник. О нем альфа лишь слышал, никогда вживую не видел, так как Фил вечно за стоянкой пропадает. Либо охраняет, либо добывает. А сейчас один из самых сильных оборотней в боевой форме вот так спокойно беседует с Хартом, словно у него есть хоть какой-то шанс быть равным омеге.

— В нашей группе шаман сгинул, займешь его место? — от такого предложения не то что отказываться, думать об отказе было запрещено. Ведь группа Филя – ведущая в стае. Туда сам вожак входит. И если Харту так повезло, что старший охотник его с собой зовет – небывалая удача, может, Харт с новым статусом более привлекателен для омег будет, может, уже на следующей Гале кто-то к нему подойдет и если не на постоянно, то хоть на ночь позовет.

Стараясь скрыть свое волнение, что в боевой форме было крайне непросто – вся шерсть дыбом встала, уши дрожат, хвост дергается - Харт нервно кивнул.

— Отлично, завтра с восходом подходи к восточному выходу со стоянки, пойдем в разведку! — указ был четкий, возражений не принимающий, и тут же Фил поднялся и ушел.

Харт вздохнул. И облегченно, и настороженно – почему его выбрали? Пусть и была сильна его связь с духами, и магия легко через тело шла, все равно он черным навсегда останется...

Альфа безумно боялся проспать, всю ночь вертелся на своей жесткой подстилке и, так и не вздремнув, направился к указанному месту встречи. Там его уже ждал Фил снова в боевой форме, и Харт, уже не рискуя ошибиться, как в прошлый раз, тут же обратился. Омега кивнул одобрительно и швырнул альфе под ноги копье.

— Пользоваться умеешь? — Харт кивнул. — Вперед не суйся, твоя задача лагерь аргусов найти. Когда определишься с положением, сразу сообщай, не надо проверок, вдвоем не выживем. Так что, если будет след, тут же говори и повернем назад за группой.

Харт снова кивнул.

— Ошибешься - будешь наказан. А за верные шаги – поощрен! — охотник как-то странно ему подмигнул, и Харт от этого почему-то смутился.

Фил быстро обратился в волчью форму – слишком быстро, Харт даже полуформу рассмотреть не успел, а так хотелось на знаменитого Фила с человеческим лицом взглянуть. Харт последовал его примеру, копые к духам привесил, и то призрачным отражением легло волку на спину. Уже через несколько минут они стремительно бежали по направлению к северным болотам. Вероятно, там в прошлом месяце охотники видели гигантов, поэтому Фил и вел туда шамана. Пробежка длиною в день альфу вымотала. Раньше столько бегать не приходилось, жил сам в себе, сам по себе и лишь на Галу к стае выходил.

Под вечер Фил остановился, велел осмотреться, проверить окрестности и, если все спокойно, готовиться ко сну. Харт послушно оббежал пару километров кругами, принюхиваясь и прислушиваясь к шепоту земли. Тут все было тихо, аргусы не бродили, люди не появлялись, да и простое зверье почти не встречалось. Но когда Харт выбрал место ночевки, пришел Фил с крупной косулькой, где добыл – альфа решил не спрашивать. И так себя чувствовал слабаком и неудачником. Добычу разделили на двоих, и Харт радовался, что они не в полуформах, так как непременно бы покраснел от такой непривычной близости с омегой.

Фил делал все четко и уверенно. Отдавал команды, спокойно рассуждал. Харту надо было лишь подчиняться, но одурманивающий запах охотника делал шамана рассеянным и невнимательным. За что альфа пару раз схлопотал по носу, но глупых мыслей это из головы не выгнало.

Ночью легли рядом, Фил свернулся клубочком и лишь морду на Харта пристроил. Рядом – теплее и надежнее. Но спать, когда омега почти на него забрался, Харт не мог. С трудом сдерживая безумно стучащее сердце, он принюхивался обостренным звериным чутьем к приятному аромату, такому зазывающему, с легкой горчинкой и примесью мокрой травы от влажной кожи. Если бы у Харта были сейчас пальцы, он бы непременно погладил эту безупречную серебряную шерстку, забрался бы в нее ладонью, прижимаясь к обжигающе горячим бокам и, быть может, даже лизнул Фила под хвостом. Только незаметно, чтобы на утро Фил не открыл ему голову.

Не успев вторую ночь подряд, Харт за Филом еле поспевал. Впрочем, теперь охотник не так сильно спешил, понимая, что, если слишком близко к аргусам подойдут, тут и лягут. Харту же приходилось к голосам земли прислушиваться, духам внимать. Там, где сильнее присутствие чужих почувствовал, остановил омегу и, разложив свои шаманские принадлежности и обратившись в полуформу, стал задаривать духов и звать к ответу. Через час он уже точно знал, что и где. Слово поднявшись над лесом и паря на орлиных крыльях, он разглядел лагерь гигантов, посчитал, сколько их и замерил примерное расстояние.

— На северо-восток, примерно четыре часа бега, восемь особей, часто разбиваются и

выходят из лагеря, — отчитался шаман.

— Отлично. Возвращаемся!

Еще одна ночь рядом с Филом стала очередной невыносимой пыткой. Его запах стал еще более прилипчивым, стойким и словно пронизывал собой весь окружающий лес, цеплялся за веточки склонившихся над ними деревьев, путался в дымке утреннего тумана. Бежать еще один день Харт не смог. С непривычки сбил лапы и с трудом дышал.

— До стоянки дорогу найдешь? Тогда я вперед.

И омега шамана бросил. Харт провел в лесу еще одну ночь и теперь спал как убитый, не веря, что смог продержаться без сна три ночи. Только теперь было холодно, и жутко не хватало почему-то запаха Фила. От глупых мыслей Харт уткнулся носом в землю — это ж надо было размечтаться и принять внимание Фила за влечение к своей персоне. Омеге нужен был шаман, и если Харт продолжит так же отставать, его быстро выкинут из команды, так туда и не взяв. А Фил со своей родословной недостижим для Харта, так же, как и Луна.

Когда до стоянки добрался, узнал, что охотник со своей группой ушел на переговоры с людьми. Тут же стало очень обидно, что его не дождались и, скорее всего, на саму охоту тоже не возьмут — и кому он нужен, если, сутки пробежав, на ногах еле держится? Скорее всего, только обузой будет, или еще хуже — выдаст их гигантам и подставит всех. Пришлось мириться со своим положением черного волчка, зализывать раны на лапах и душе, мечтать о невозможном.

Через пару дней Фил пришел к скромному домишке Харта. Снова в боевой форме, недовольный и злой, и Харт тут же сжался, подумав, что это по его вине. Что почти правдой и было.

— Ушли они, — без вступления объяснил Фил. — Мы прибыли в уже пустой лагерь, ни следов, ни намеков. Так что собирайся, через час новая вылазка!

Харт сначала обрадовался, а потом понял, что опять его ждет безумная гонка на несколько суток, после которых даже лежать будет больно. Но прельщала возможность хоть немного побыть рядом с Филом, наслаждаться его притягательным ароматом — пусть и недостижим старший охотник, все равно, если Харт себя проявит, то будет хоть пару дней в месяц рядом с ним под боком засыпать. А что еще для черного надо? Не на случай же надеяться?

Первый день разведки — снова безумная гонка, а потом попытка уснуть рядом с Филом, и безнадежные вздохи, оттого что кому-то этот красавчик достанется, и этот кто-то никогда Хартом не будет. Альфа глупо себя чувствовал, потому что его с каждой секундой тянуло к Филу все сильнее, а омега лишь сильнее огрызался на попытки альфы сблизиться или просто поухаживать.

На второй день Харт стал направлять их сам. Земля вела в другую сторону, и шаман слушал духов. Двигались неспешно, но Фил и не торопил. Когда Харт снова шаманские

песни завел, омега на охоту сбежал, чтобы не мешать. Вернулся ровно через час, жадно глазами поблескивая, ожидая ответа.

— На востоке. Часов шесть бегом, — устало ответил Харт.

— Ублюдки к человеческому городу идут! — озлобленно выплюнул Фил. — Если их упустим, не с кем торговать будет. Против восьми аргусов город не выдержит, сейчас их охотники у нас сидят. Ты добираться, как успеешь, а я побегу за командой!

Харт лишь на прощание рукой взмахнул и тут же печально сжался. Фил уже сбежал. Чувствуя, как от обиды и своей никчемности на него наваливается слабость, Харт присел рядом с разложенными шаманскими инструментами. Носом воздух втянул, пытаюсь уловить последние нотки Филадельфии, но тут же в нос запах аргусов ударил, и альфу нервный пот пробил. Задерживаться здесь было опасно, если гиганты его найдут, то он даже убежать не успеет, а с копьем он максимум косяк завалить может, так что охотник из него никакой. Обиженно выкинув из головы неутешительные мысли, Харт твердо решил заниматься, тренироваться и к следующему полнолунию быть готовым к быстрым и долгим забегам, а главное, научиться обращаться с оружием должным образом.

Собрав свое барахло, Харт направился к стоянке. Почему-то в душе надеялся с командой Филадельфии пересечься и на охоту навязаться. Нехорошо охотникам без шаманов на аргусов ходить. Но то ли Харт плохо шел, то ли Фил его намеренно обошел, с охотниками шаман так и не встретился. Домой вернулся понурый, но там его соседский омега дождался. Мальчишка чуть старше тридцати кругами походил, что-то невпопад поспрашивал, а потом про охотников речь завел.

— Ты ведь с ними? В группе Филадельфии, правда? — глаза у соседа загорелись, словно Харт не черногривый оборотень, а вполне такой серый волчок, и с ним можно в течку покувыркаться без последствий для своей репутации и родословных детей.

Но Харту такое внимание почему-то неприятно стало. Всего неделю назад этот омега на него и не взглянул бы, а тут – привет, уже всем нужен и важен. Альфа сослался на усталость и в домик спрятался. А вечером его еще один омега бестактным заявлением ошарашил: «Я бы с тобой поигрался в следующую течку, только без узлов, просто покувыркаться. Приходи, буду ждать».

Харт даже не нашел что ответить, про себя мучаясь внутренним разногласием – благодарить ли Филадельфию за такой подарок судьбы или, наоборот, от всех спрятаться и мечтать о серебряном волке.

Примерно через неделю Харт разбудил приятный дразнящий запах Филадельфии. Почувствовал омегу аж во сне и с радостью выскочил во двор, зная, что охотник где-то рядом. Но, распахнув дверь, удивленно замер на пороге – рядом с его домиком собралась вся команда Филадельфии. По мордам оборотней было видно, что охота прошла успешно, кто-то даже повесил на груди пальцы убитых гигантов, а у Филадельфии на плечах новый ремень появился для оружия – духами переплетенный и в любой форме поддерживаемый.

— Знакомьтесь, наш новый шаман, — произнес Фил, тыча длинным когтем во

взъерошенного, смущенного Харта.

С трудом опомнившись, шаман принял боевую форму и к каждому подошел, касаясь двумя пальцами груди. Многие отвечали тем же, признавая равным, и у Харта внутри то все ухало вниз, то вновь поднималось. Вожак на его касание лишь рвано усмехнулся, этот равным никого не признает – ему и не положено. Его брат также на равенство не ответил. Был еще в команде светлый гепард, так он и вовсе коснуться себя не дал. Но голову склонил, видно, не видел с Хартом точек пересечения, но в команду принимал. Один из последних – светло-бежевый омега – с презрением на нового шамана посмотрел и, когда Харт его пальцами коснулся, рыкнул:

— Черный, зачем такой нам!

Харт уже хотел огрызнуться, но его резко в сторону отодвинули, и Фил смельчаку лапой по морде проехался.

— Какая разница, какого он рода! Нам говорящий с духами нужен, и Харт лучший в стае!

От слов Филадельфии и его поддержки Харту так тепло стало, что он невольно улыбнулся, но, заметив его оскал, охотник и ему двинул.

— Не расслабляйся. Тебе до нас еще работать и работать!

— Именно, — согласился Гритти, — ты его принимаешь, ты и тренируешь.

— Слышал? — Фил на Харта сердито глянул. — С завтрашнего дня каждый день тренировки, и чтоб без пропусков!

Харт с нескрываемым благоговением кивнул. Сам Фил его тренировать будет! Будет вместе с ним время проводить и наставления давать. На душе тут же потеплело, и злые слова незнакомого омеги были забыты.

Но тренировки оказались жутким мучением, а не сказкой. Фил бедного альфу загонял так, словно убить пытался. Обещанных поощрений не было, Фил был всем недоволен, выматывая альфу по полной. Полдня безостановочной беготни и метания копья, зато к вечеру они добычу делили.

Харта смущало только то, что Фил никогда полуформу не принимал. Всегда либо боевая, либо в волке, и что там под шерстью у омеги скрывается, Харт понять не мог. Зато через пару недель с удовольствием стал отмечать, как мышцы крепче стали, и реакция улучшилась. За несколько дней до полнолуния Гритти и его брат Ают пришли на тренировку и твердо заявили, что хотят видеть поединок между Филом и Хартом.

Омега на такое предложение хитро усмехнулся, показав острые зубы на волчьей морде. Харту же страшно стало: может, и занимался он упорно с десятков дней и показал перед вожаком себя неплохо, но с Филом справиться – явно ему не по силам. Но охотник уже завелся, рычанием оппонента стал подначивать, уши в боевой форме стали торчком, хвост распушился, и весь такой заводной и горячий омега медленно кружил рядом с Хартом, заставляя того невольно сглатывать слюну и облизываться.

— Он на тебя глаз положил, — хохотнул Ают, — смотри, Фил, спиной к нему не поворачивайся!

— Умолкни, или я тебя на бой вызову, — фыркнул омега, а Харту снова рыкнул, велел нападать.

Делать нечего, хоть и понимал, что опозорится, Харт на Фила прыгнул. Омега же словно жидкое серебро из его когтей ускользнул, лапу заломил, но тут же выпустил и отошел, давая еще один шанс. Теперь Харт уже наступал с расчетом: сначала обманное движение, потом рывок с боку, чтобы руки с когтями перехватить. Фил на мгновение замешкал, позволяя альфе схватить его за плечо, но только Харт попытался его через себя бросить, как омега снова вывернулся, словно сквозь пальцы перетекая, и ногой позорно альфу в спину толкнул. Харт недовольно рыкнул, от земли всеми четырьмя конечностями оттолкнулся, впитывая ладонями ее силу, и мощным ударом сбил омегу с ног, тут же на него запрыгнул, прижимая всем телом. Фил удивленно выдохнул, а Харт, не удержавшись, его в нос лизнул. Просто Фил так близко оказался, и его дыхание почти разума лишало; глаза горящие, обжигающие тело, зажатое коленями.

Филу такая выходка не понравилась, и он тут же зубами клацнул. Харту пришлось быстро отпрянуть, или омега ему бы горло перегрыз. Ушел из удобной позиции и тут же когтями по хребту получил. Видно, омега сильно разозлился. Не успел Харт повернуться, как еще один удар разорвал ему плечо и полоснул по лопатке.

— Спокойно, спокойно, Фил, — остановил омегу Гритти.

Охотник злобно рыкнул и отступил. Харт, с трудом дыша, пытался успокоить бешено колотящееся сердце. Раны быстро затягивались, не оставляя и следа на теле, но остались болезненные шрамы на сердце. Конечно, не стоило так своевольничать, но и такой смертоносной реакции на свои поцелуи Харт никак не мог ожидать. Фил же его легко убить мог – просто распороть горло, разорвать грудь и до сердца добраться. Может, оборотни и сильны, и живут почти вечность, но вот без жизненно важных органов им, так же, как и обычным людям, кранты.

— Неплохо для начала, — сказал Гритти, обращаясь лишь к омеге, — но ему еще пару месяцев тренировок нужно провести. До этого на охоту не пойдет. Разведка на тебе, — последнее вожак кинул шаману и ушел, забрав с собой и брата.

— Прости, — чуть слышно произнес Харт, чувствуя себя неловко и глупо, — заигрался.

— Именно, — зло ответил Фил, — использовать силу духов тебе не позволяли! Так что в следующий раз, если в равном поединке мухлевать будешь, я тебя убью.

Харт кивнул, а потом, когда Фил уже ушел, с опозданием понял, что омега вовсе не на поцелуй разозлился, и что, возможно, не прими Харт силу от духов, не стал бы омега так реагировать. По крайней мере, на это можно было бы надеяться, не будь он черным. Но Харт чернее ночи – а значит, никому не нужен, и, уж тем более, такому, как Фил.

Часть 2

Перед Галой Фил сделал перерыв, занятий не было, и Харт валялся дома, обдумывая, чем занять день. Омежек, что стали к нему временами навещать, Харт вежливо спроваживал. Может, и хотелось, да не с ними, а обманывать свое тело и совокупляться с тем, кто не люб, неприятно было, словно с проститутками в городе, только платить не надо. Харт и к проституткам навещать не любил, только иногда, если уж очень невтерпеж было, приходилось.

Гала началась с призывного ритма барабанов. Этот зов, словно гипнотический глас, заставил всех, кто жил на стоянке, подняться со своих мест и направиться к общему кострищу. Если барабаны бьют – значит, уже взошла Старшая Луна и ровным светом тянется к своим детям.

Харт вышел на поляну Галы и замер у кромки леса. Вскинув головы, оборотни любовались небесным светилом. Старшая Луна обломанной половинкой освещала небосвод, притягивая к себе противоестественное нутро оборотней. Младшая луна чуть в стороне обжигала кровавым отблеском – ей поклонялись гиганты, и ее света боялись. Но сегодня совпало их появление на небосклоне, а значит, для задобрения духов стая должна принести жертву.

Отдающий жизнь вышел вперед – почетная роль для тех, кто не смог найти свое место в стае. Сегодня это был старик Баг, его серебряная шкура почти полностью облезла и больше не светилась в свете луны, зубы выпали, и оборотень не мог больше питаться самостоятельно. В такое состояние оборотни приходили, если по какой-то причине не могли обращаться в боевую форму – либо из-за травмы, либо из-за желания поскорее умереть. Не всем же по душе оказывалась почти вечная жизнь. Его жертва – добровольная и вполне понятная, но оракул был недоволен – Баг и сам бы вскоре умер, а духам наверняка хотелось свежей крови. Но Гритти велел принять жертву Бага, и тут оракул не смог возразить.

Старому оборотню оракул вырезал еще бьющееся сердце и, взмахнув окровавленной лапой, поднял орган к небесам. Младшая Луна приняла дар – сердце рассыпалось в прах, а ее свет потух, спрятанный появившимися облаками. Теперь праздник может беспрепятственно продолжаться.

Около огня засуетились барды, наперебой рассказывая новости стаи, перекрикивая друг друга и пытаясь привлечь слушателей к своей персоне. Самой яркой новостью стала свадьба младшего брата вожака. Ают выкупил себе на постоянную случку омегу из другого рода – гепарда. Многие были этим недовольны, но Ают заплатил сполна, и оракул позволил им соединиться. А еще оракул пообещал им чистокровных детей – Лунных волков, так как гены гепарда слабее волчьих. Ают при этом выглядел счастливым, а его гепардик, сидящий чуть в стороне от вожака и своего мужа, нервно подергивал хвостом и посматривал на всех черными непроницаемыми глазами. Вторая новость Харта смутила – барды кричали о нем, что он присоединился к команде старшего охотника, и что Фил его на поединке побил.

Быстро осмотревшись, Харт, к своему разочарованию, Филадельфию не нашел. Было странно, что

омега не пришел на Галу. Харт не только с ним потанцевать хотел, но и надеялся, наконец, увидеть в полуформе. Вскоре небо совсем потемнело, и на опушку проникал лишь свет Луны, заставляя шерсть волков светиться серебряным светом. В этом ослепительном блеске Харт чувствовал себя черным пятном. Но так, в принципе, и было — он черная овца, неприятная грязь в свете бриллиантов. Будь его родители живы, он бы пожурил их за безграничную любовь и желание иметь детей. Могли бы и просто порадоваться друг другу, а не ломать жизнь Харту. Точнее, не давать ему ее вовсе. Пусть даже его родители любили друг друга до беспамятыства, это еще не повод для потомства, учитывая, что Оракул сразу может определить, каким будет ребенок, и стоит ли заводить паре детей.

Барды затянули песни, у костра появились первые танцоры. Сливаясь со светом огня и луны, они двигались в такт ударов барабанов. Сусло ударила в голову, и шаман чувствовал, как невольно начинает подчиняться музыке тело.

— Танцевать пойдешь? — раздалось у Харта почти над самым ухом на волчьем, альфа резко обернулся и увидел сияющего в лунном свете волка. — Мне нравится смотреть, как ты танцуешь, — добавил Фил.

— Ты такой красивый, — с придыханием вымолвил альфа, рассматривая омежью шерстку.

— А ты глупый, — волк усмехнулся и уткнулся носом Харту в ключицу. От такой нежности альфа чуть ли лужицей по траве не растекся. Ласково обнял омегу, прижимаясь щекой к его немного влажной после ночного леса морде. Фил, как всегда, пах мокрой травой и свежей землей. А еще пах омегой, желанным, нужным и обожаемым. Харт действительно глупым был, потому что рядом с Филом терял себя и начинал с ума сходить. А сейчас, обнимая серебряного сияющего волчка, чувствовал себя на седьмом небе от счастья, готовый на все, исполнить его любую прихоть.

— Со мной танцевать пойдешь? — попросил он Фила.

Волк хихикнул, что было похоже на громкое чихание, и нежно прикусил Харту кожу. Такая незначительная ласка — и альфа почувствовал, как все тело напрягается, словно сжатое в обжигающие тиски. Фил был так нужен, так желанен, и именно сейчас, когда Луна делала их абсолютно непохожими.

Мимо них проскользнул оракул, и, заметив его недовольный взгляд, Харт отпустил волка, немного отстраняясь. Не хотелось, чтоб о Филе плохо из-за него думали, или чтоб оракул Харта на столб позорный повесил за недозволительные ласки. Как только оракул от них отошел, Харт снова к волку повернулся, но Фил уже пропал.

У костра к тому времени многие танцевали, чуть в стороне за всем этим наблюдал величественно вожак. Красивый, идеальный оборотень — о таком любой омега мечтал. И Фил, кажется, от него детей рожал. Чистокровных детей в семье не отдают, их стая воспитывает, потому у вожака дети — это его племя. Так же, как и у Фила, наверное.

Не дождавшись возвращения омеги, Харт присоединился к танцующим, тут же отдаваясь

музыке и погружаясь в дикие ритмы. Энергия земли свободно растекалась по телу, направляясь к другим танцующим и поднимаясь к небесному светилу. Харт чувствовал себя в полной гармонии с этим миром и его душой. И внутри он чувствовал, как Фил смотрит за ним, наблюдает, продолжая скрываться ото всех и от Харта. И от этого взгляда было тепло и радостно, словно душа горела и пылала.

Когда волки стали провожать полнолуние пронзительным воем, Харт уже с трудом держался на ногах. Сегодня он перебрал с алкоголем и перестарался с танцами. Но блаженная улыбка с лица не сходила, и он задремал где-то в кустах недалеко от потухшего костра и таких же увлеченных праздником бардов.

Зато утро встретило его мощным пинком под зад. Харт вскочил на ноги и изумленно уставился на Фила, тот с усмешкой велел ему собираться на разведку. Шаман спешно приготовился, проверил копье и ингредиенты для шаманских ритуалов. Менее чем через пятнадцать минут они покинули стоянку. Голова немного побаливала из-за выпитого, ноги ныли, но Фил, как всегда, гнал вперед, не позволяя ни секунды передышки.

Когда вечером они остановились на ночлег, Харт свалился, не чувствуя задних ног. Не хотелось даже есть, тело было выжатым и измученным. Фил его не доставал, перекусил и лег рядом, снова прижавшись и положив голову Харту на спину. Альфа от удовольствия зажмурился, чувствуя, как стремительно погружается в сон. Но вместе с тем что-то мешало ему спать. От усталости он четко не мог осознать причин, но в какой-то момент его тело стало непослушно гудеть, напрягаться, и от переполнявшего его желания стало тяжело лежать. Волчье нутро слепо требовало совокупления, и близко лежащий Фил казался ему идеальной кандидатурой. Стараясь уснуть и успокоить глупое звериное желание, Харт осторожно лизнул серебряному волку бедро. Он был таким вкусным и приятным, что Харт тут же лизнул его еще раз.

Фил приподнял голову, тихо зарычав, но Харт уже был не в силах себя остановить и продолжал вылизывать омегу. И только когда Фил цапнул его за ухо, альфа стыдливо поджал хвост и отодвинулся. Но тогда же до него и дошли причины его несдержанности.

— У тебя течка, что ли? — удивленно спросил Харт.

— Угу, — фыркнул Фил и снова положил на него голову, собираясь спать.

Харту же спать теперь вообще было невозможно.

Он поднялся, обернулся в полуформу и стал разводить костер, чтобы перекусить и немного отвлечься. Но Фил отвлечься ему не дал, тоже поднялся и теперь в боевой форме сел напротив. Кажется, это была намеренная провокация, но Харт ей поддался. Приняв боевую форму, он сел рядом с омегой и стал осторожно лизать ему шею. Фил от удовольствия прищурился и, кажется, был весьма доволен.

— Зачем ты в разведку пошел, если у тебя течка?

— У меня уже четыреста лет течки, это мне не мешает заботиться о стае, — небрежно ответил омега и серьезно посмотрел на альфу, — можешь мне немного помочь,

успокоить. Если только завтра силы будут бежать.

Харт с трудом сглотнул. Будут ли у него силы сейчас Филу помогать? Да сколько угодно, просто океан сил и желания, вперемешку с любовью и страстью. Будут ли силы завтра бежать? Если сегодня Фил позволит его любить, то и завтра силы будут. Крылья вырастут, Харт заставит себя двигаться куда угодно, лишь бы с Филом. И ослепленный своими чувствами Харт совершенно не видел в предложении никакого подвоха.

— Будут, — шепотом ответил альфа.

Фил тут же его в грудь толкнул и сверху сел.

— С моей родословной дети темные будут! — запоздало предупредил Харт.

— Я уже лет сто как бесплодный, — фыркнул Фил, — нарожал свое, теперь могу трахаться хоть с черногривым!

От таких слов остался какой-то неприятный осадок, словно оплеуха. Харт сжался, но заставил себя забыть.

— Только давай в полужестком, так мне не нравится, — попросил альфа, а охотник лишь рассмеялся.

— Вся прелесть в боевой! Иль ты совсем ребенок и так не пробовал?

Харт хотел было возразить, что так – это почти в полном подчинении зверя, никаких ласк, так как на руках огромные когти и во рту длиннющие зубы, и все сводится к безумному соитию, когда тело рассудку не подчинено. Может, иногда это и приятно, но сейчас хотелось Филя обнимать, прижимать к себе, ласкать его пальцами, целовать его губы. Харт даже не видел, какие у Филя губы, но почему-то был уверен, что очень красивые, мягкие, ласковые.

Но решать и выбирать альфе не дали. Фил, продолжая сидеть на Харте, воспользовался тем, что альфа и без того был возбужден, и без предварительных ласк стал себя на член Харта насаживать да при этом своей когтистой ручищей помогать, и альфа невольно глаза закрыл, боясь думать, что этими когтями сделать можно. Но Фил с поставленной задачей быстро справился и сразу стал довольно резко и быстро двигаться. Омега внутри был мягкий и очень влажный из-за обильно выделяющейся смазки. Харт себя не понимал – ему и хорошо было, и как-то тоскливо внутри. Все вроде и по обоюдному желанию, и как-то недобровольно. Да еще и Фил себя трогать не позволял, отталкивал руки альфы, рычал на любые попытки его поласкать или погладить. Вскоре Харт понял, что им просто пользуются, чуть ли не насилуют, и от этого стало обидно и больно.

Но все же свои инстинкты Харт сдерживать не мог и, временами проваливаясь в звериные ощущения, все больше и больше получал удовольствие. Альфа попытался Филя приостановить, перехватить и самому ритм задавать, но Фил ему руки за голову вывернул и с бешенством продолжил насаживаться. Его не остановило и то, что Харт со стоном кончил. Узел его лишь немного замедлил, но не остановил, и альфа с сожалением

понял, что с его помощью просто самоудовлетворяются. И будь на его месте кто угодно другой, Филу было бы также безразлично.

Утром Харта разбудили все таким же привычным пинком. Тело невыносимо болезненно заныло, проспал он от силы пару часов, Фил же выглядел бодрым и довольным.

— Поднимайся, ебарь, — усмехаясь, сказал омега, — за сегодня лагерь аргусов найти надо.

— Угу, — Харт стал тут же к ритуалу готовиться, — ты как себя чувствуешь? Легче?

— Легче что? — омега тут же сморщился. — Ты мне слюни не распускай. Потрахались и забыли — я твой начальник, ты мне подчиняешься или из команды уходишь! Между нами ничего не было и нет. Ты мне не ровня: ни по статусу, ни по возрасту. Я отношений не строю, альф не признаю, течки с кем повезет, с тем и провожу.

Харт молча выслушал неприятные и тяжелые признания. От Фила и не стоило ждать большего. Но альфа почему-то ждал и сейчас чувствовал себя обманутым. Нет, обманутым он себя и вчера ночью стал чувствовать, но сейчас особенно горьким обман стал.

— А попробовать не хочешь? Я тебя ни в чем упрекать не буду и ни к чему принуждать не стану.

Фил неприятно и холодно рассмеялся.

— Попробовать что? Для отношений я слишком стар и сух, извиняй. Я не как Ают: не способен десятилетиями за своей парой бегать и случая поджидать, когда ж мне эта пара перепадет. Я вообще ждать не люблю, мне нужно, чтобы все и сразу! А ты мне ничего дать не можешь ни сейчас, ни в будущем!

Внутри Харта все пронзило холодом. С трудом сдерживая желание сейчас же омеге по морде двинуть, он мрачно произнес:

— У тебя на Аюта зуб, не на меня, и незачем свою злобу на мне срывать!

— Шамань! — огрызнулся Фил и, обратившись в волка, сбежал.

Духи точных ответов не давали и, не дожидаясь Фила, альфа направился южнее, проверяя местность и прислушиваясь к своим ощущениям. Ощущения были отвратные, словно у него сердце вырвали и в грязь втоптали, а вместо него чернота безумная, такая же, как и шкура его проклятая. Уж лучше лысым быть, чем черным.

На старое место вернулся часа через четыре, Фил альфу уже поджидал — красивый, почти белоснежный, сияющий, но смотреть на него было слишком больно.

— Большой лагерь к югу в шести часах, двенадцать гигантов, вашей команде не управиться.

Фил не дослушал, развернулся, хвостом махнул и в зарослях скрылся. Харт только обессиленно на землю опустился. Даже если он сейчас и мог бежать, Фил его намеренно ждать не захотел. А значит, ни на переговоры с людьми, ни на саму охоту его не возьмут. Даже просто наблюдателем он не нужен. Всему виной его глупые мечты и надежды. В его положении надеяться на взаимность одного из лучших омег стаи просто глупо. И Фил прав, пусть режет эта правда по живому, но Харт ему не пара.

После возвращения охотников Фил продолжил тренировки. Теперь в каком-то болезненном молчании. Омега строго указывал, что делать и как. И если иногда и прикасался, то Харт сам отстранялся. Касания эти словно током прошибали, все внутри вздрагивало, пульсировало и безумным возбуждением отвечало. Но нельзя было так. И Харт свое место знал.

На Гале танцевать не хотелось, да и Фил больше на него не смотрел. Внутри крепло какое-то ощущение, что раньше танцевал лишь для него, пусть и не знал Фила лично, но этот пронзительный взгляд светло-серых глаз он всегда чувствовал.

Через пару месяцев его опять не взяли на охоту. Гритти сказал, что шаман пока слаб, а когда Харт возразить попытался, его Ают на поединок вызвал и за несколько секунд уложил. Харта это только разозлило, но, заметив, как разочарованно на него смотрит Фил, тут же сам разочаровался - в себе, в своих неудачах и в своей глупой наивной вере, что охотник на него еще хоть раз на Гале посмотрит. Поэтому так и остался в разведчиках, продолжая старательно тренироваться, и не только тело закалял, но и с духами сливался, их слушал, наполняясь силой земли и Лунным светом. И чем глубже его дух в мир невидимого погружался, тем проще Фила было отпускать. Или прощать. Но в какой-то момент Харту стало свободнее дышать, спокойнее стоять с ним рядом и просто любоваться. Не развеялась тяга, не прошла любовь, только стало у него на душе более спокойно, успокоился Харт как-то и расслабился. Если все так безнадежно, можно просто радоваться даже его присутствию. И пытаться отучить себя им восхищаться. Но Филом было сложно не восхищаться, потому что он был во всем идеален – красив, силен, грациозен, превосходный лидер. Даже Гритти его слушал, когда они на охоту шли, а на стоянке Фил никогда вожаку не перечил.

И лишь через полгода Гритти дал добро. Тогда на разведку с ними бегал Ают, и Харт заметил, что Фил действительно к младшему брату вожака имеет какие-то невысказанные претензии, но обычно он дела с личным не мешал.

Харт обнаружил лагерь аргусов всего в нескольких днях от города людей, и было их более двадцати. Ают на это лишь ручки потер, Фил же выглядел недовольным. Домой гнал с такой скоростью, что Ают с Хартом за омегой еле поспевали. Зато шамана и на переговоры, и на охоту взяли. Всего за добычей шло восемь охотников, и Харту было немного боязно встречаться с огромным лагерем гигантов таким малым составом. Но в городе людей к ним присоединилось еще четверо человек, среди них одна женщина – у людей не было омег, но были женщины. А еще у людей было какое-то особенное оружие, которое кровью гигантов заряжалось и делало эти слабые куски мяса и костей достаточно опасными для аргусов.

Среди людей был еще один оборотень – один из тех, кто ушел к человеческому стаду, не принимая свою суть. Его шерсть была угольно-черной, и он явно засматривался на женщину. Скорее всего, дети его потеряют способность принимать боевую форму, да и сам чернявый в боевом виде был мелким и хилым. Другие оборотни с ним, как и с другими людьми, не говорили – он все же считался человеком.

До аргусов добрались как раз вовремя: огромные неповоротливые гиганты дремали, до города людей им оставалось всего ничего. Харт старался держаться позади, нервно сжимал свое копье и судорожно рассматривал странных тварей. Аргусы двигались медленно, неуклюже, огромный изогнутый позвоночник, утыканный острыми, выпирающими из розовой кожи костями, мешал им быстро поворачиваться. Оборотни – огромные, сильные, выше людей почти в два раза, но аргусы были крупнее оборотней минимум в полтора. В глазах голодное безумие, огромные клыки свисали ниже подбородка, и одним ударом таких зубов можно легко раздробить оборотню череп.

Группа Фила стремительно ворвалась в лагерь, протыкая и раскидывая еще спящих гигантов. Люди использовали свое оружие, и оно выпускало голубые молнии, от которых аргусы на мгновение замирали, а потом обездвижено заваливались на землю. С первым десятком расправились достаточно быстро, но к тому времени оставшиеся уже пришли в себя, проснулись и вооружились острыми копьями с костяными наконечниками.

Как Фил и велел, Харт двигался чуть в стороне от лидера. Не принимал бой, а лишь добивал тех, кто не умер от первого удара. Но уже после нескольких пробитых тел, его руки стали трястись, черный оборотень с трудом дышал, и голубоватая кровь гигантов заливала ему глаза.

Инстинктивно Харт стал впитывать силы земли, замирая на месте и опуская полностью в грязь стопу. В какой-то момент восемь оборотней встали против восьми гигантов, люди отступили, перезаряжая свое оружие, а аргусы стали зажимать их в кольцо, невероятно быстро для своих объемов меча сулицы и размахивая копьями.

Фил и Гритти знаками разделили команду, не давая врагам обступать их и выбирая общую цель. Оборотни разбились на группы, бросаясь на указанных аргусов. Фил тоже оказался один на один с врагом, лишь Харт прикрывал ему спину. Но опасность, оказалось, смотрела омеге в лицо. На помощь его гиганту быстро пришел второй, и Фил не смог уйти от нескольких слишком точных ударов в грудь. Копье распороло ему ребра, и охотник, захрипев, чуть отступил. Харт рванул вперед, закрывая омегу от второго аргуса. Но первый, воспользовавшись заминкой Фила, вонзил копье ему в самое сердце. Омега тихо вскрикнул, но его крик пропал за оглушающим воем Харта. Шаман вырвал из тела Фила копье и, не обращая внимания на стоящих рядом гигантов, вонзил ему в рану зубы, не позволяя душе уходить. Через его тело поплыла энергия земли, стремясь сохранить утекающую через дыру в сердце жизнь.

Один из аргусов метнул в шамана копье, но Харт отбил его когтями, не отвлекаясь от тела Фила, которое стало быстро сжиматься, уменьшаясь и принимая Лунную форму оборотня – ту, в которой хоронят, полуформу человека и огромной боевой машины. Харт крепче сжал зубы, когда рана уменьшилась вместе с телом омеги, став крошечным невесомым подобием огромного сильного оборотня – первого охотника стаи.

Над Хартом нависли двое аргусов, но шаман больше не мог отвлекаться, если сейчас он прервет ритуал, душа Фила навсегда будет потеряна. На помощь к ним уже бросились другие члены команды, люди перезарядили свое оружие и открыли огонь. Один из аргусов попытался ударить Харта, но его сбил с ног Гритти, и копье лишь скользнуло шаману по спине, разрывая кожу и мышцы. Шаман даже не дернулся, полностью вовлеченный в спасение жизни омеги.

Когда закончился бой, Харт даже не заметил. Он лечил Фила, пропуская тепло его тела через себя и возвращая его в разрушенное сердце. Когда рана полностью закрылась, Харт отпустил маленькое щупленькое тело и устало сел рядом. Фил в полуформе был совсем мальчишкой, наверное, почти не пользовался этой формой, поэтому его тело и не старело. Но грудь и спина были исчерчены множеством глубоких шрамов. И каждый такой шрам – это маленькая смерть. Обратни легко лечили раны, но если рана смертельна, если она прерывает обращение, то шрам навсегда застывает в Лунной форме. И каждый след на теле его Фила - это шаг к краю, смертельный прыжок, из которого можно никогда не вернуться. После такой раны оборотень поднимался в Звере, не контролируя свою ярость и агрессию. Сейчас же рана, исцеленная магией духов, полностью исчезла, но и Фил не пробудился. Лишь продолжал бледнеть.

Часть 3

— Нужно было отступить! — ругалась человеческая женщина. — Нельзя было необдуманно идти вперед без нашей поддержки.

— Замолчи! — рыкнул на нее Гритти. Он сидел перед ней на корточках и позволял выковыривать у себя из глазницы осколки копья.

— Зарастет? — спросила женщина, когда глаз был очищен.

— Куда он денется, — незлобно ответил вожак, — проверь остальных!

Оборотни отдыхали чуть в стороне, в то время как люди собирали с аргусов кровь. Когда они закончат, Гритти вырежет сердца и отнесет их на поклонение богам. Люди никому не поклонялись, они верили в свое оружие и поднимающийся из-под земли серый газ. А еще они охраняли свои старые города, древние, разрушенные, там, где хранилась правда, которую никто в действительности не хотел знать.

Харт сидел рядом с Филом и ежеминутно проверял его состояние. Омега не просыпался и, возможно, никогда уже не проснется, слишком глубокой была рана. Временами к ним подходили другие члены команды и интересовались состоянием лидера. Шаман не отвечал. Он не знал ответа, продолжая понемногу гнать энергию земли через хрупкое тело, и надеялся, что Фил, сильный и крепкий, не сдастся сейчас.

Закончив с трофеями, команда направилась к стоянке. Харт нес на руках Фила, никому его не доверив, сказал, что омеге требуется поддержка духов, и шаман его сейчас отдать не может. Так же и в лагере он утащил Фила в свой домик и заперся, с безнадежной тоской всматриваясь в столь непривычный вид омеги. Стало понятно, почему он так свою полуформу не любил – совсем щуплый, тощий, еле покрытый светлым мехом Фил совсем не был похож на того сильного и крепкого оборотня, каким выглядел в боевой форме. Наверняка человеком Фил был еще более мелким и совсем лысым. Но Харта почему-то это заводило. Не зря говорят, что черных тянет к подобным себе – к людям. А крошечный Фил был совсем как человек. И такой трогательно хрупкий, что хотелось его защищать, оберегать и заботиться. Пусть даже сам омега будет против, Харт был уверен, что уже никогда не сможет его оставить. Он согласен быть просто другом, просто шаманом в его охотничьей группе, лишь бы Фил его не гнал и позволял следовать за ним.

С их возвращения прошло несколько дней, Харт спал рядом с омегой, крепко обнимая его, уткнувшись носом в нежную тонкую шею и вдыхая его аромат. Проверить его пришел Гритти, пришел с неофициальным визитом, велел хозяину дома не проявлять к нему особых знаков почтения.

— Если он через пару дней в себя не придет, нужно будет отпустить его душу, — сказал вожак, и от таких новостей Харт голову опустил, хвост поджав. Отдавать Фила он не хотел. И если потребуется, то мог и против вожака выступить. Рядом с Филом Харт чувствовал себя сильнее.

— Пары дней мало, надо дольше ждать, — твердо ответил шаман.

— Дольше ждать – душа его заплутает, лучше отпусти, Харт, — уже мягче и с надеждой попросил Гритти, — ты его только мучаешь.

Харт не смог ответить. Взял Филадельфия за руку и нежно по мягкой щеке погладил. Отпустить Филадельфия? Куда – к небесным духам, чтобы он мог когда-нибудь вернуться как человек или гигант? Нет, такого Харт позволить не мог. Если уж не дал умереть в бою, то и на постели умереть не даст.

— Нет, — твердо сказал Харт.

— Как дети малые, — покачал головой вожак, — ладно ты, тебе сколько? Лет шестьдесят? А Фил-то чего... заикнулся на тебе, все в бой тянул, хоть ты и не готов совсем был – вот, в итоге, и не смог его прикрыть. И следил за тобой с маниакальной настойчивостью. Оракулу запретил к тебе омега пускаться, ревнивый, сволочь, и как ты его только терпишь?

Харт снова голову опустил, боясь свое удивление и счастье выказать. Слова Гритти как бальзам согрели душу и уверенности прибавили. Теперь он точно Филадельфия не отпустит. Пусть даже Гритти с братом приходят Филадельфия отбирать, Харт не позволит.

Когда вожак ушел, Харт дождался ночи и вытащил тело омеги из дома, уложил его на землю и лег сверху, прижимая ладони и колени к земле. Этот ритуал он еще не пробовал, но духи ему о таком способе нашептывали. И если сейчас Фил не проснется, то можно его в пустоту уносить.

Альфа, крепко сжав веки, перенаправлял потоки и искал в небытии сознание Филадельфия. Чуть слышно его звал, стараясь отыскать среди миллиона голосов живых существ, глубоко вдыхал приятный дурманящий аромат и надеялся, что Фил вот-вот откроет глаза. Ритуал отнял много сил, и Харт так и уснул, прижимаясь губами к старой ране омеги. А разбудили его небольшие движения и шепуршание тела под ним.

— Фил! — обрадованно воскликнул Харт, заметив, что омега приходит в себя.

— Почему ты больше не танцуешь на Гале? — с легкой улыбкой спросил Фил, и альфа тут же к его губам прижался. Они, как Харт и думал, были мягкие, приятные и очень сладкие.

— Буду только для тебя танцевать, — шепнул ему альфа прямо в рот и снова прижался к губам. Фил на поцелуй не отвечал, все еще ослабленный, только головой повел, пытаясь от альфы сбежать, — я люблю тебя, Фил, не отвергай меня, — постарался он успокоить омегу, но тот только сильнее забился и стал обращаться. — Нет!

Харт был уверен, что, обратившись, Фил снова на него будет ругаться и уж точно лежать так близко не позволит. Не понимая, что творит, он выпустил когти и сжал ему нервные точки в основании шеи. Фил громко взвыл – прерывать обращение подобным образом было очень болезненно, да и не безопасно.

— Прости, прости, — попытался его успокоить альфа, но охотник стал дергаться, пытаясь вырваться и откинуть от себя Харта.

Маленькое хрупкое тело не могло справиться с довольно габаритным альфой, и Фил, несколько раз истерично дернувшись, замер.

— Я убью тебя, ублюдок! Ты что себе позволяешь?!

— Прости, прости, не хочу, чтобы ты снова сбежал, ты такой красивый, Фил, я тебя люблю.

— Придурок черногривый! Что тут, по-твоему, красиво? То, что ты сильнее меня? Ненавижу быть слабым! И любовь твою ядовитую ненавижу, пропитала меня всего. Не хочу, не желаю!

— Успокойся, я тебя не обижу. Клянусь, Фил, никогда не обижу!

— Заткнись! Отпусти! Ты мне нерв зажал! А если другие меня так увидят?

— Ты прекрасен, Фил, такой нежный, сладкий.

— Человеколюб! Ненавижу себя таким, и шрамы ненавижу. Только отпусти, и я тебя убью! — Фил выпустил когти и попытался Харта ударить, но альфа легко его руки перехватил и над головой зажал.

— Тогда не отпущу!

— Все равно убью! Отпусти! — Фил выгнулся, напрягая мышцы и злобно рыча от бессилия. Вырваться он не мог и стал клацать мелкими зубами, пытаясь Харта достать, выходя из себя все сильнее, почти теряя разум. Омега чувствовал себя загнанным в ловушку, не способным дать отпор, и это пугало его до безумия.

Альфа сразу сообразил, что довел охотника до истерики, и отпустил его, поднимая с земли, усаживая себе на колени и прижимая крепко и нежно. Успокаивая его, поглаживал по гладкой спине с тонкой дорожкой светлых волос вдоль позвоночника. Почесывал за небольшими острыми ушками, которые в этой форме располагались значительно ниже, чем у волка, и смешно дергались вместе с всхлипами Фила.

— Прости, прости, — повторял Харт, чувствуя себя злодеем, но вместе с тем немного ликуя внутри себя, потому что нашел хоть какие-то слабые стороны Фила. И сейчас он был рядом, так близко и так трепетно прижимался, проявляя хоть немного слабости и позволяя Харту быть сильным.

И Харт хотел быть сильным для Фила, для всей стаи, для охотников, чтобы больше никто не пострадал из-за его некомпетентности.

Омега быстро успокоился, прижался лбом к груди альфы, расслабленно вдыхал его запах и осторожно ошупывал нежными и мягкими пальчиками.

— Я люблю тебя и хочу быть рядом, — снова повторил Харт, ни на что уже не надеясь.

— Отношения и чувства – не для меня, — Фил не поднимал головы, — я не могу позволить себе быть слабым, отвлекаться на что-то, выделять тебя среди других. Потому что, если в бою упадет и Гритти, и ты, мне придется защищать вожака и бросить тебя. А если привяжусь, то будет больно. В конечном итоге все равно кому-то будет больно. Даже если мы попробуем... нет, не хочу...

— Я же говорил тебе, — прервал его неуверенные слова Харт, — что ни в чем упрекать не буду и ни к чему принуждать не стану. Просто позволь мне быть рядом. Равным, как и другие члены команды, и...

Альфа не договорил, потому что Фил прижался к его губам. Было ли это «да», Харт переспросить не решился. Полностью погрузившись в свои ощущения, наслаждаясь мгновением, когда Фил рядом, и только его. Когда можно его не отпускать и надеяться, что это еще один шанс или еще одна случайность – не важно, потому что они сейчас так близко, так рядом.

И первый поцелуй Филадельфии – обжигающий, зовущий, заставляющий жадно хватать его хрупкое тело, сдавливать в ладонях от разрывающей его душу страсти.

«Мой, мой», — беззвучный шепот в груди и непрекращающиеся ласки под пробуждающимся солнцем. Харт ласкал омегу, немного боясь надавить на него или сделать что-то не так, но Фил, как всегда, вел сам, зажигая каждым своим движением и касанием. Сам притягивал к себе руки альфы, сам откинулся на спину, позволяя вылизывать себя, а потом входить. И, неистово вжимаясь в так обожаемое тело, Харт забывался от наслаждения, снова сдавливая ему руки и покрывая укусами шею, оставляя глубокие следы зубов и царапины когтей на груди, делая Филадельфию своим пусть только сейчас, но в этот миг омега принадлежал лишь ему.

Фил стонал, нисколько не стесняясь, рычал от удовольствия, но не кончал и Харту не давал, растягивая удовольствие, словно желая остаться тут, на травке рядом с домиком Харта, на всю оставшуюся вечную жизнь. И омегу не смущали любопытные взгляды соседей, какие-то хихиканья и смешки любопытных. Сейчас он был с Хартом, и весь другой мир мог катиться в преисподнюю к аргусам.

Уже изнеможденные, спустя долгие страстные часы, со сбившимся дыханием, они прижались друг к другу, подрагивая от охватившего наслаждения. Харт вцепился омеге в плечо, испытывая самый яркий оргазм в своей жизни. А Фил, откинув голову и закрыв глаза, еле слышно прошептал «Ают» и тут же прикусил губы. Но было поздно. Харт все прекрасно расслышал, хотя сердце сейчас стучало так громко, что в ушах стоял звон. И от этого слова его разгоряченное тело в одно мгновение замерзло, покрылось мурашками, и сердце стало сжиматься от боли, почти прекратив биться.

— Мне на обход, — немного смущенно, отводя взгляд, сказал Фил и, выпутавшись из ослабевших рук Харта, обратился в волка, сбежал в лес.

Харт остался сидеть один, все еще чувствуя внутреннее тепло Филадельфии, чувствуя его

горячее дыхание на своем лице и разрывающее сердце имя. Харт-то думал, эти двое просто не в ладах, а тут, оказывается, неразделенная любовь. И сердце Филадельфии вовсе не для Харта, черного безродного волка, а для красавчика Аюта – чистокровного, брата вожака.

Стало горько и немного тошно от своей наивности. И ведь сам сказал «ни в чем не буду упрекать», да и не посмел бы упрекнуть. И так получил больше, чем заслуживал.

Фил на тренировки больше не звал. Может, не хотел встречаться и возиться, а может, Харту пора было уже самому чего-то достигнуть, потому что у Филадельфии совсем иной уровень, и он собой занимался. И Харт старался. Пробежки, разминки, занятия и с копьём, и с утяжеленным ножом. Пытался даже с другими охотниками заниматься, только чувствовал, что все равно отстает. А время следующей охоты приближалось, и в глубине души Харт безумно боялся, что Фил его больше с собой не позовет.

Но Фил позвал. Точнее, пришел на следующий день после Галы, строго велел собираться и потом весь день гнал с такой скоростью, что Харт к ночи просто валился с ног, а перекусив, так вообще уснул без снов. Проснулся от приятного нежного запаха, тепла в груди и щекочущих нос длинных светлых волос. Фил лежал рядом, и от его близости все тело наполнилось безумной тоской. Было больно до слез, потому что хотелось обнять его, прижать поближе, но Фил близко к себе не подпускал. Все еще чувствуя, как его легкие сжимаются от боли, Харт стал вылизывать столь привлекательный и сладкий бок. Шерстка пахла только Филадельфией, еще немного землей и травой, но никакого другого альфы. Фил проснулся, поднялся, обращаясь в боевую форму, Харт сел рядом, смущенно опуская голову и чувствуя себя дураком подростком, который в присутствии омеги теряет голову.

— Можем трахнуть, если хочешь, — спокойно предложил Фил, и от его слов у Харта замерло сердце.

— Нет, — тихо ответил альфа, хотя и хотелось, сильно хотелось, — сейчас разведка.

— А я хочу! — Фил резко встал, толкая Харта на землю, и попытался сесть на него сверху.

Альфа дернулся в сторону, оскаливаясь. Фил прыгнул на него снова, прижимая к земле и достаточно легко удерживая. Харт задергался, пытаясь выйти из захвата, с рычанием царапая омегу грудь, стараясь освободиться.

— Не нравится чувствовать себя слабым? — слишком грубо и жестко спросил Фил, и Харт рыкнул в ответ еще сильнее.

Это была маленькая месть? Наказание? Или попытка Филадельфии окончательно разорвать в Харте то безумное влечение, которое мешало альфе сосредоточиться и работать. Шаман подумать не успел, просто хватанул зубами землю, вырывая из нее силы, и скинул с себя омегу. Бой не был заявлен, Харт мог использовать любые средства и сейчас подпитывал себя энергией духов, становясь крепче, сильнее, быстрее. Но недостаточно, чтобы поймать Филадельфию.

Омега прошел через сотни боев, и хотя Харту удалось хорошенько порвать тому шкуру,

пара точных ударов - и альфа на мгновение отрубился, свалившись мордой в колючий куст.

Фил присел рядом на корточках, рассматривая поверженного противника, за шкуру вытащил из кустов и поставил на ноги:

— Ищи, разведуй, работай! — велел он строго.

Харт уже понял, что проиграл и битву, и свое сердце. И больно в этом поединке будет только ему. Но Фил внезапно его обнял, положил когтистые лапы на черную спину и потерся мордой о шею Харта. Теперь альфа окончательно запутался. А спросить не мог – боялся, что Фил снова ему грубить и ругаться будет.

Охота была успешной, аргусов было всего шесть, и они быстро их положили. Но Харт обнаружил и вторую группу, далеко на севере, те аргусы тоже двигались к городу. Посовещавшись, Фил с Гритти решили отдать эту группу другой стае, что жила у западной ветки реки.

Через месяц была еще одна охота, а за ней новая. Фил, по-прежнему переменчивый, словно ветер, то игнорировал Харта, то слишком нежно прижимался, когда они одни на разведке оказывались. И эти перепады его настроения то сводили с ума, то радовали хоть крошечными кусочками счастья. А когда омега после боя обнимал Харта, так по-братски трепал по голове, что шаман думал, это предел его мечтаний, и большего уже хотеть не стоит. Но все так же хотелось.

— Пошли с нами, выпьешь? — позвал шамана вожак после очередной охоты, на которой Харт неплохо смог проявить себя, а не только в хвосте путаться. Обычно после каждой вылазки вся команда собиралась тесным кружком в доме вожака, но вот Харта звали впервые. От такой чести кто ж откажется, и шаман пошел.

Пили что-то покрепче привычного сусла. Страшное пойло, что люди производили, сразу в мозг ударило, Харт с глупой улыбочкой сидел чуть в сторонке и смотрел на серебряного волка, что в ногах у Гритти пристроился. Фил с другими не пил, потому что полуформу не принимал. Просто делал вид, что в команде, а сам за своими подопечными шальными глазками следил.

В какой-то момент Харта танцевать заставили, навеселе он и сам не прочь был повеселиться. Кто-то притащил барабаны, альфы стали подвывать, в большом доме вожака места было много, и шаман расслабился, вновь сливаясь с силами земли и выплескивая свою душу.

Он не заметил, в какой момент музыка смолкла. Фил сильно куснул его за ногу и махнул головой.

— Пошли, — велел волк, и Харт послушно поплелся следом.

Омега вел шамана к его же домику, а Харт почему-то был уверен, что ждет его тяжелый и неприятный разговор или взбучка. Фил у домика принял боевую форму, Харт же остался стоять в полуформе, немного склонив голову, словно ожидая, что теперь

охотнику взбредет в голову.

— У меня течка, — произнес омега. Харт только кивнул, поскольку заметил это еще на охоте. Трудно было не заметить, но он старался даже не думать о таком, — хочу быть с тобой.

Это «хочу» привычной болью отозвалось в груди. У Фила все сводилось к «хочу» и «сейчас». А Харт хотел «навсегда».

— Нет.

Омега недовольно оскалился.

— Сегодня я выбрал тебя, — сказал Фил, а Харт хохотнул, чувствуя, как внутри все сжимается от горечи. Омега на это глаза сузил, клыки обнажил, не нравилось, видно, неподчинение, но Харт устал подчиняться. Одно дело в бою, другое дело тут, у него дома, где он сам хозяин и только перед оракулом и вождем должен голову склонять.

— Хватить упрячиться, я же знаю, что ты меня хочешь! — еще холоднее произнес омега, а у Харта появилось желание уйти и дверью хлопнуть.

— Может, и хочется, но ты подумал о моих чувствах? Я же говорил, что люблю тебя, а ты то прижимаешь к себе, то с пинком встречаешь.

— А никто и не говорил, что будет просто. Но тебе же захотелось попробовать, вот и наслаждайся, — голос у омеги все такой же ледяной, а на морде легкая ухмылка, словно намеренно издевается. Только что-то его в словах заставило Харта умерить пыл. Фил все это время не отталкивал и не сбегал, а был самим собой – холодным и колким, и если Харту он нужен, то альфа должен его принять, а если нет, то и незачем было о любви трепаться.

— А почему в прошлую течку ко мне не пришел?

— Я у Гритти был, — омега сделал паузу, словно наслаждаясь отразившейся болью на лице альфы, — мы не трахались, а ругались из-за тебя. Он не хотел тебя на охоту брать, а я настоял!

Харт чуть не задохнулся, испуганно складывая неправильной формы кирпичики в своей голове.

— Ты мне доверился, а я тебя подвел! — с отчаянием произнес он, осознавая, что тогда, три месяца назад, Фил чуть не погиб, потому что взял Харта в тяжелый бой, доверил себя, спину подставил, а шаман не смог его защитить.

— Подвел, — кивнул Фил. Шагнул к Харту ближе, принимая полужорму. Сразу на две головы его ниже стал, щуплый, светлый, маленький. Доверчиво прижался лицом к груди, — только от тебя мне никуда не деться. Знал, что ты мне сдохнуть не дашь.

Харт все еще был напряжен, но уже сдавался. Фил был сильнее, лучше. Самый лучший. От него не спрячешься. Просто не сбежать, да и скорости не хватит. И если омега пожелает, все равно не отпустит, пока не наиграется. И тогда снова больно будет.

— А как же Ают?

— Ну, подумаешь, дрочу я на него. И что? — Фил фыркнул и ласково куснул за шею. — Но люблю-то я тебя.

Харт снова хотел возмутиться, но тут же рот закрыл. Фил ему только что признался, пусть в своей идиотской манере - сначала поддых коленом, а потом ласки добавил. Но он все же открылся. А значит, сегодняшнее «сейчас» может стать немного длиннее. Пусть еще не «навсегда», но уже почти «надолго».

— Фил! — Харт обнял его дрожащими руками, все сразу прощая, забывая и соглашаясь на все что угодно, только бы он сейчас не ушел.

— Только посмей меня снова подставить, и я тебе голову сверну, — с улыбкой шепнул ему омега и прижался к губам, целуя слишком агрессивно, кусаясь, разрезая клыками губы и потом слизывая кровь, и снова кусая.

С трудом переводя дыхание, уже захлебываясь от желания и с трудом стоя на ногах от раздражающего обоняние и вкус запаха течки, Харт смахнул с губы кровь.

— Не понял, это было сейчас поощрение или наказание?

— Наказание, — твердо сказал омега, — а теперь будет поощрение.

И, стянув с альфы штаны, опустился перед ним на колени.